Большим достижением автора является пятая глава «Ученики и последователи Гельмана». Подробно перечислены полученные под руководством Гельмана и в развитие его идей результаты В. И. Касаточкина, К. Маевского, М.Ф. Мамотенко, С. Я. Пшежецкого, Н. Д. Соколова и самого автора. Стоит добавить, что рецензируемая книга — достойный памяти великого учителя труд его ученика.

Весьма краткая шестая глава посвящена попыткам Гельмана популяризировать и распространить в кругах образованных читателей идеи квантовой химии, а также сами основы квантовой механики.

Читать пятую и шестую главы книги было бы особенно приятно, если бы мы заранее не знали трагического конца героя. «В результате вынужденной эмиграции перед Гельманом открылись широкие перспективы научного творчества». Этого заключения автора никто не оспорит, однако: «Арест. Убийство. Реабилитация.» — гласит подзаголовок эпилога книги.

Говорят, нет ничего тайного, что не стало бы явным. Когда супруга арестованного Гельмана сделала безуспешную попытку получить зарплату за последний месяц его работы в институте, она увидела в стенной газете ФХИ публичный донос на своего супруга, подписанный его коллегами. Возможно, что был и другой более официальный донос. Викторину Ге-

льман арестовали в начале 1941 г. и выслали в Семипалатинск, сыну Гельмана удалось уклониться от детского дома и найти своих родственников Минчиных в Харькове. В 1956–1957 гг. Викторину и посмертно Ганса Гельманов реабилитировали.

Завершается эпилог добавлениями автора, сделанными, по-видимому, уже после написания основного текста. Среди приложений можно отметить несколько извлечений из оригинальных теоретических работ Гельмана и текст статьи журналистки Л. Вайнер о Гельмане из Интернета. Наличие достаточно полной библиографии трудов самого Гельмана, трудов его предшественников и учителей, трудов его учеников и последователей, и работ о жизни и исследованиях Гельмана, делает книгу Ковнера незаменимым источником для исследователей истории квантовой химии и истории репрессированной науки в СССР. Несомненно, что материал книги может быть использован в будущих капитальных трудах по биографии Ганса Гельмана и по трагической истории эмиграции немецких ученых-антифашистов в СССР.

Литература

1. Schwarz W. H. E. u. a. Hans G. A. Hellmann // Bunsen-Magazine. 1999. Hefte 1 und 2. S. 1–24.

А. В. Кессених

Бабков В. В., Саканян Е. С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, 1900–1981. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 672 с.

Широкая читательская аудитория получила прекрасный подарок — книгу о жизни, научной деятельности и драматической судьбе крупнейшего ученого XX в. Н. В. Тимофеева-Ресовского. Ее авторы — Василий Васильевич Бабков и Елена Саркисовна Саканян — проделали при создании этой книги поистине титаническую работу. В предисловии авторы перечислили огромный круг людей, воспоминания и материалы которых были ими испо-

льзованы. Поражает и количество архивов и библиотек, собрания которых дали возможность так широко осветить непростую жизнь замечательного исследователя, незаурядного педагога и благороднейшего человека.

В первой части книги, «Труды и дни...» (автор В. В. Бабков), дана научная биография Тимофеева-Ресовского. Он работал по всем основным проблемам современной теории эволюции — таким, как воз-

никновение мутаций в природе, проявление и выражение гена, роль малых мутаций, географическая изменчивость и видообразование. Николай Владимирович сформулировал основные задачи радиационной генетики и первым поставил вопрос о необходимости защиты человека от радиации. Он провел биофизический анализ мутационного процесса и способствовал развитию той области, которая позднее получила название молекулярной биологии. Наконец, Тимофеев-Ресовский создал новую дисциплину — радиационную биогеоэкологию (радиоэкологию) — науку эры Чернобыля.

Здесь также приведены сведения о семье Николая Владимировича, о годах его учебы в гимназии и Московском университете, его учителях Н. К. Кольцове и С. С. Четверикове, в значительной степени определивших направление его дальнейших научных интересов. В 1925 г. Тимофеев-Ресовский, к тому времени уже вполне сложившийся 25-летний исследователь, был приглашен на работу в Германию, где ему суждено было прожить 20 лет.

По приезде в эту страну Тимофеев-Ресовский сразу приступил к организации в Институте мозга Оскара Фогта Генетического отдела, который он и возглавил. С 1928 г. жизнь Николая Владимировича и его семьи протекала в предместье Берлина — Бухе, где находилось новое здание Института мозга. В книге подробно рассказывается о годах правления в Германии национал-социалистов и периоде Второй мировой войны, о том, как жил и над чем работал в это время ученый. В 1943 г. был арестован старший сын Николая Владимировича — Димитрий (домашнее имя Фома), участник антинацистской группы, активно помогавшей русским военнопленным и подневольным рабочим. Пройдя тюрьмы и лагеря, он погиб во время восстания 1 мая 1945 г., за несколько дней до окончания войны.

Тимофееву-Ресовскому поступали предложения переехать в Америку, Англию или Францию, но он не только сам от-

казывался, но уговаривал и других ученых оставаться на месте. Когда стало ясно, что Бух вскоре будет занят Красной Армией, Институт мозга эвакуировали на запад, однако Тимофеев-Ресовский, ссылаясь на сложность демонтажа лабораторного оборудования, от эвакуации отказался. После прихода Красной армии в Бух Николай Владимирович был назначен директором Института биофизики и генетики, но после визита одного советского ученого и его доноса он в сентябре 1945 г. был отправлен в 4-е отделение Берлинского оперативного сектора НКВД, а через две недели в сопровождении охранника — самолетом в Москву. В 1950 г., когда коллеги не знали, где он находится, Тимофеев-Ресовский был выдвинут на Нобелевскую премию.

Встреча ученого с родиной состоялась во внутренней тюрьме на Лубянке, затем он был переведен в Бутырскую тюрьму. Его пребывание там нашло отражение в «Архипелаге Гулаг» А. И. Солженицына: «...Тимофеев-Ресовский рассказывал об основах микрофизики, о хромосомной теории наследственности... Четверым новичкам в знак особого уважения уступили без очереди место на нарах. Одним из них был Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский» (с. 235). В книге приводится и последнее слово Н. В. Тимофеева-Ресовского на закрытом суде в июле 1946 г.: «Я любил свою родину и ничего против нее не совершил. Прошу, если возможно, дать мне возможность закончить свои труды и сдать их Академии Наук СССР, после этого я согласен отбывать любое наказание, которое мне будет определено судом» (с. 237).

В лагере он умирал от голода и холода, потерял память, начал слепнуть. Его вызволение из лагеря было связано с созданием в рамках атомного проекта нового секретного предприятия на Южном Урале, где были так необходимы его исследования по генетике и по радиационной защите. В 1947 г. в СССР были привезены жена и младший сын Николая Владимировича. После окончания 10-летнего сро-

ка наказания (каждый год был засчитан за два) Тимофеев-Ресовский и члены его семьи остались в качестве спецпоселенцев. Его обращение в 1954 г. к Председателю Президиума Верховного Совета СССР привело к снятию судимости. Через год были получены «чистые» паспорта, по которым можно было ехать куда угодно. Но вместе со всеми сотрудниками его брали только в Свердловск. Началась работа в Лаборатории биофизики в Свердловске и на биостанции в Миассово. Только в течение одного года Тимофеев-Ресовский провел около 40 коллоквиумов, в котором приняли участие многочисленные гости, преимущественно молодые научные работники. Первые визиты Тимофеева-Ресовского в Москву и Ленинград в конце 1955 — начале 1956 гг. смертельно напугали лысенковцев, и в ЦК КПСС посыпались клеветнические доносы, дискредитирующие ученого. За ними последовал поток различных комиссий на биостанцию.

После аварии на челябинском хранилище радиоактивных отходов — катастрофы, впоследствии названной «малым уральским Чернобылем», — Тимофеев-Ресовский предложил программу комплексного изучения радионуклидов в пострадавшем районе. Однако к этим исследованиям он допущен не был. Отсутствие разработки проблемы радиоактивного загрязнения среды по единой программе привело к тому, что к чернобыльской катастрофе государство и наука оказались не подготовлены.

Несмотря на противодействие некоторых высокопоставленных «научных работников», Тимофеева-Ресовского пригласили на работу в Институт медицинской радиологии в Обнинске. Незадолго до того в этом подмосковном городе была построена первая в мире атомная электростанция. «Сам я родом из Калужской губернии, и мне приятно будет помереть на родине» (с. 278), — ответил Николай Владимирович на приглашение. И в 1964 г. организовал там Отдел радиобиологии и экспериментальной генетики.

Но нападки на ученого не прекращались. Распространялись слухи, что во время войны он работал на гитлеровскую Германию. В 1970 г. директор института Института морфологии человека АМН (где тогда работала автор этих строк) запретил своим научным сотрудникам посетить торжественное заседание Московского общества испытателей природы, посвященное 70-летию Тимофеева-Ресовского.

Скончался Н. В. Тимофеев-Ресовский в 1981 г. Юридическая реабилитация крупнейшего ученого XX в. состоялась лишь более десяти лет спустя — в 1992 г. Ее истории посвящена вторая часть книги, озаглавленная «...Чтоб не очень совестно было помирать» и принадлежащая перу биолога и кинорежиссера Елены Саркисовны Саканян. В последние годы жизни Тимофеева-Ресовского она снимала его для своих фильмов. Несмотря на то, что показывать ученого в кинофильмах в то время было запрещено, ей все же удалось включить несколько эпизодов в фильмы 1978 и 1981 гг. Оставшаяся часть отснятого материала хранилась у нее дома. Потом в стране началась перестройка. Сразу после публикации нашумевшего романа Д. Гранина «Зубр» о Тимофееве-Ресовском (1987) Елена Саркисовна приступила к созданию своего фильма и в начале съемок организовала обращение учеников ученого, его сына и съемочной группы в Верховный Суд СССР по поводу его реабилитации (кадры обращения были в этом фильме). Борьба за реабилитацию длилась не один год. В результате получилась кинотрилогия: «Рядом с Зубром» (1988), «Охота на Зубра» (1990), «Герои и предатели» (1991). Вся история создания этих фильмов и расследования, которое Елена Саркисовна вела параллельно со Следственным отделом КГБ СССР, история ее общения с близкими ученого, с его коллегами, отечественными и иностранными, читается как увлекательный роман. Огромное место в этой части книги уделено усилиям десятков ученых по реабилитации ни в чем не повинного Ти-

мофеева-Ресовского. В рецензии невозможно даже кратко перечислить все, что делалось для этого. Тяжелее всего было противостоять потоку доносов и клеветы на этого благороднейшего человека, не прекращающемуся даже после его смерти.

Тимофееву-Ресовскому довелось испытать на себе два величайших зла в истории XX века — гитлеровскую Германию и сталинский Гулаг. Но он оставался верен своему призванию, участвуя в расшифровке природы гена и создании основ новых наук XX в.: генетики популяций, генетики развития, биофизики, молекулярной биологии, радиационной генетики, радиобиологии и современной теории эволюции. Об всем этом великолепно рассказано в рецензируемой книге. Столетие Тимофеева-Ресовского было включено ЮНЕСКО в календарь памятных дат, и в 2000 г., и его юбилей отметило все человечество; Е. С. Саканян сняла тогда фильм «Любовь и защита», передав в этих словах суть взаимоотношений великого ученого с миром.

Особое место в книге занимают «Приложения», где опубликованы архивные документы: материалы личного дела Тимофеева-Ресовского из Общества кайзера Вильгельма; написанное им обоснование серии встреч молодых биологов и физиков для обсуждения проблемы конвариантной редупликации из Рокфеллеровского архивного центра; протоколы допросов из следственного дела; доносы на него, посланные в ЦК КПСС; письма, проливающие свет на трагическую судь-

бу погибшего в гитлеровских застенках его старшего сына; переписка с родственниками, друзьями и коллегами. В книге даны списки научных публикаций Н. В. и Е. А. Тимофеевых-Ресовских, указатель источников, использованных авторами, и указатель имен. Книга снабжена превосходно подобранными фотографиями.

В будущем издании книги, для которого авторы уже собрали дополнительные архивные материалы, нужно исправить имеющиеся опечатки и неточности. Например, следует указать, что во время войны В. Эйхлер (впоследствии крупный энтомолог) служил во вспомогательных частях Люфтваффе специалистом по борьбе с малярией (с. 337), что обширная работа И. Б. Паншина по гетерохроматину все-таки была опубликована и что ради этого Л. И. Корочкин снял две другие статьи (с. 356).

Но все эти детали уже не могут изменить общую картину событий, превосходно представленную в книге. Читая, я все время видела мысленным взором Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, с которым мне посчастливилось неоднократно встречаться в доме его друга Бориса Львовича Астаурова, где он всегда был жизнерадостен, громогласен, прекрасно пел, увлекательно рассказывал. Но я уверена, что и те читатели, которые никогда не видели Н. В. Тимофеева-Ресовского, смогут воссоздать для себя образ этого необыкновенного ученого и человека.

М. Е. Аспиз